

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 340.01; 321.01

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА КАК ОБЪЕКТ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

*канд. юрид. наук, доц. А.В. ЕГОРОВ
(Полоцкий государственный университет)*

Предлагается определение правовой системы с точки зрения сравнительно-правовой науки. Дается характеристика структурных элементов данного объекта сравнительного правоведения. Определяются общесемейные, внутригрупповые и национально-специфические черты правовой системы.

Правовая система как явление многоплановое и достаточно объемное по своему социальному содержанию представляет интерес не только для юриспруденции, но и для целого ряда иных общественных наук. В связи с этим в юридической литературе правовая система определяется в качестве категории, дающей «многомерное отражение правовой действительности конкретного государства на ее идеологическом, нормативном, институциональном и социально-экономическом уровнях» [1, с. 282]. Но поскольку правовая система является прежде всего категорией правового характера, то и анализ данного понятия необходимо начинать с юридических аспектов соответствующих проблем. Содержание настоящего исследования составляют проблемы сравнительно-правового определения рассматриваемого объекта.

Общетеоретического понятия правовой системы недостаточно для сравнения таких сложных по своей структурно-сущностной характеристике явлений, как национальные правовые системы. Большинство теоретиков придерживаются той точки зрения, что правовая система – это совокупность юридических средств, которыми оперирует государство, оказывая нормативное воздействие на общественные отношения [2, 3]. Зарубежные исследователи в области теории права (юридического метода) также дают достаточно широкую трактовку рассматриваемого правового понятия. Так, М. Богдан определяет правовую систему как уровень надстройки, базирующийся на соответствующей экономической системе общества и обслуживающий нужды экономики среди самых различных сфер общества [4, с. 83]. Ж. Карбонье говорит о правовой системе как о пространственной и временной сфере существования всех правовых институтов определенного общества [5, с. 175 – 176].

Такое широкое понимание объекта сравнительных исследований может быть полезным на определенном этапе правопознания, когда изучаются конкретные нормативные компоненты в их тесной связи с экономическими, социальными, культурными и другими основаниями правовой системы как организованного комплекса. Но мы ведем речь о самостоятельности нашего объекта, который должен не просто выполнять правоориентационную роль в исследовании других объектов, но и обладать собственными характеристиками в качестве объекта сравнительно-правовой науки.

Нужно заметить, что и среди компаративистов нет достаточно четкого представления о правовой системе как самостоятельном объекте сравнительно-правовых исследований. Здесь присутствуют две крайности – от признания данного объекта предметом правовой компаративистики до деления правовой системы на микроуровни сравнительных исследований: отрасли права, правовые институты, нормы, язык права, юридическую технику и т.д.

Если говорить о самостоятельности рассматриваемого объекта в системе сравнительных исследований, то мы должны определить такие существенные признаки правовой системы, которые качественным образом отличали бы ее от всех других объектов сравнительного правоведения, и в первую очередь от такого, как правовая семья. Эти два объекта имеют свойства трансформироваться и становиться то правовой системой, то правовой семьей. Причина этого заключается в исторической детерминации компонентов, составляющих данные правообразования. Эволюция правовой системы приводит ее либо к образованию нового объекта в виде правовой семьи, что в свое время произошло с английской правовой системой, создавшей семью современного англо-американского (англосаксонского) права, либо к вхождению в одну из уже существующих семей права. До сих пор сами компаративисты называют романскую формально-правовую общность то правовой семьей, то правовой системой, а то и вовсе системой права.

Что касается соотношения правовой семьи и правовой системы, то характер их самостоятельности достаточно условен, определить который, наверное, возможно только теоретически. Вместе с тем компаративистское определение правовой системы как самостоятельного объекта создает основу для исследования других объектов сравнения. Так, проводя сравнительный анализ норм права или элементов юридической практики, мы вначале устанавливаем, к какому типу правовых систем принадлежат данные правообразования – романскому, англосаксонскому или религиозно-общинному. Затем мы определяем внутрисистемную принадлежность исследуемых объектов, т.е. устанавливаем их национально-правовую принадлежность к определенной правовой системе, которая имеет свои специфические особенности. Среди определяемых звеньев имеется и такой элемент, как группа правовых систем, которая, с одной стороны, аккумулирует в себе общесемейные традиции, с другой – формирует внутригрупповые признаки, отличные от общесемейных. Каждое меньшее по своему правовому объему правообразование включает признаки большего элемента, в данном случае правовой семьи, и обладает ряд собственных черт.

Итак, можно предположить, что правовая система детерминирована характером своей правовой семьи, имеет признаки группы правовых систем, в которую она входит и обладает своими национально-специфическими признаками. Таким образом, определение правовой системы с компаративистской точки зрения представляет собой структурно-сущностную характеристику ее общесемейных, внутригрупповых и национально-специфических признаков, обусловленных признанными на уровне семьи права факторами исторического развития и типом юридического мышления.

Такой подход к определению правовой системы имеет свои научные основания, предложенные правовой компаративистикой. Еще в начале прошлого века рядом исследователей была выдвинута концепция о единстве правовых систем, объединенных общесемейными традициями. Вне этих традиций ни одна правовая система не может существовать самостоятельно. И даже образование новой группы правовых систем предполагает, что этот процесс изначально происходит в рамках определенной семьи права. Исключение составляет лишь этап формирования традиционных правовых семей, когда континентальное, англосаксонское и религиозно-общинное право сами находились в стадии становления.

К числу общесемейных признаков ученые относили всевозможные факторы и основания классификации правовых систем. О многих из этих оснований мы уже говорили, рассматривая вопросы определения формально-правовой общности. Применительно к компаративистской ситуации с правовыми системами больше интересует подход исследователей относительно зависимости сущности конкретной правовой системы от общесемейных признаков. Основное содержание этой сущности заключается в копировании общесемейных подходов относительно источников и системы права, характера правовой нормы и типа правового понятийного фонда. О данной зависимости правовых систем от традиций своей семьи компаративисты говорили еще в начале XX века. Так, швейцарский ученый Н. Созер-Холл в качестве факторов общесемейной принадлежности называет источники права [6, с. 101]. Другой ученый А. Эсмен определял формирование зависимости правовых систем от традиций семьи в рамках общей структуры права [7, с. 76]. Особое внимание в плане определения общесемейных черт правовых систем компаративисты обращали на общность правового понятийного фонда. Этот элемент правовых систем был тем внешним формальным атрибутом, который позволял не смотря на всю разницу в содержании правового регулирования определить семейную принадлежность правовых систем. О языковом признаке говорили Н. Созер-Холл, А. Леви-Ульман, а также Р. Давид, который относит правовой понятийный фонд к постоянным элементам права. По его мнению, данный элемент не просто определяет семейную специфику правовой системы, но и оказывает значительное влияние на другие компоненты формально-правовой общности, а следовательно, и на характер общесемейных признаков правовой системы [8, с. 19].

Нормативный признак правовой системы как элемент ее общесемейной принадлежности также выступал объектом оценки компаративистов. На определенном этапе развития сравнительно-правовой науки законодательство, его сущность и содержание норм были едва ли не единственными объектами исследования, а сама компаративистская наука носила название «сравнительное законодательство». Позже отношение к нормам, как и к объектам, формирующим формально-правовую общность, изменилось. Тот же Р. Давид пишет: «Было бы поверхностным и неправильным видеть в праве только лишь совокупность норм... Однако право – это значительно более сложное явление, выступающее как **система**. У нее определенный понятийный фонд; она соединяет нормы в определенные группы; использует определенные способы создания и толкования норм; она связана с определенной концепцией социального строя, и от этой концепции зависит, как применяется и вообще функционирует право» [8, с. 19]. В результате доминирования данной теории нормативная черта принадлежности правовых систем к традициям правовой семьи была незаслуженно забыта и уступила место неким «концепциям социального строя»,

группам норм, формирующим институты, по которым в основном и стала устанавливаться принадлежность правовой системы к тому или иному типу правовых семей.

Что касается внутригрупповых признаков правовых систем, то о них специалисты-«системники» говорили более охотно. Если констатировать существование правовой семьи было достаточно проблематично, то о функционировании той или иной группы правовых систем можно заявлять с полной уверенностью. Такие группы существуют всегда независимо от того, входят ли они в дальнейшем в определенную формально-правовую общность или образуют собственную. Специфический характер внутригрупповых признаков отдельной правовой системы от этого не изменялся. Главное требование установления взаимосвязи внутригрупповых и общесемейных признаков состоит в том, чтобы групповые признаки не выходили за рамки традиций правовой семьи.

Внутригрупповые признаки не могут существовать без общесемейной ориентации. Они являются элементом логического объемно-правового ряда, где национально-специфические признаки правовых систем не выходят за рамки внутригрупповых, которые в свою очередь не могут покидать сферу общесемейной направленности традиций системно-нормативной общности. С другой стороны, группы правовых систем не могут наделять соответствующие национальные звенья внутригрупповыми признаками, если сами объединяющиеся правовые системы не придерживаются общесемейных традиций.

Вместе с тем понятие «группа правовых систем» не тождественно понятию правовой семьи. Характер так называемых групповых правообразований определяется нетрадиционностью подходов к оценке правовых явлений, в отличие от позиций правовой семьи в целом. Спектр этих подходов очень широк. В самом общем виде он может быть определен следующим образом. При одинаковой оценке системы источников права, их иерархии каждая из групп правовых систем может вкладывать в любой из источников свое содержание. Так, латиноамериканская группа воспринимает обычай лишь законодательно санкционированный, германо-скандинавская группа признает за этим источником право на простое доктринальное существование. Мусульманская правовая группа в священных книгах видит непоколебимую правовую догму и устанавливает жесткие принципы для ее использования в практике творчества и правоприменения.

В подходах к оценке нормы нетрадиционность позиции групп правовых систем состоит в разнице толкования нормы с точки зрения ее обобщенности. При этом не происходит выхода за пределы понимания нормы семьей права. Например, американо-канадская группа понимает норму более абстрактной, общей, нежели вся прецедентная англосаксонская семья.

Правовая семья разрабатывает самую общую дифференциацию права: англосаксонская – деление на общее право и право справедливости; романо-германская – на частное и публичное; религиозно-общинная – на общерелигиозное и право общин. Отдельные же группы правовых систем, придерживаясь этой общей дифференциации, имеют неодинаковый подход к внутренней системе самих этих общих частей. И в первую очередь по признаку идентичности отраслевого деления мы можем говорить о группах правовых систем. Скажем, во многом сходится отраслевая структура публичного и частного права в итальянской и французской правовых системах, которые входят в латино-романскую группу.

Что касается подхода к понятийному правовому фонду, традиционному для семьи, то здесь группы правовых систем могут предлагать новые понятия, которые затем становятся общеупотребимыми, но не вкладывать свое новое содержание в установившиеся юридические конструкции.

Компаративистские подходы к определению конкретных групп правовых систем неоднородны. Одни авторы рассматривают данные группы исключительно в рамках правовой семьи, придавая им характер внутрисемейных правообразований (Р. Давид, А.Х. Саидов, Ю.А. Тихомиров), другие ориентируются на межтиповое взаимодействие групп правовых систем (Ж. Карбонье, А.А. Рубанов), третьи в своих исследованиях ориентируются на автономное функционирование данных групп, которые рано или поздно должны принять либо форму правовой семьи, либо интегрироваться в одну из существующих общностей (А. Эсмен, Дж. Вигмор, А.А. Гилле).

Внутрисемейные группы правовых систем составляют самую распространенную разновидность групповых правообразований. Так, в рамках романо-германской правовой общности выделяются французская, германская, латиноамериканская, северная и другие правовые группы. В среде англосаксонской правовой семьи специфическими правовыми группами являются британская и канадская. Среди религиозно-общинных групп можно выделить наиболее яркие группы дальневосточных, африканских, мусульманских правовых систем.

Характер внутрисемейных групповых правообразований подтверждает логичность определяемых признаков каждой правовой системы через общесемейные и внутригрупповые характеристики, чего мы не можем сказать применительно к межтиповым группам правовых систем. Представляется, что суще-

ствование данных групп, а также ряда выделяемых отдельными авторами автономных групповых правообразований носит условный характер и не имеет практического значения для компаративистских исследований правовых систем. Как, например, можно определить характер общесемейных и внутригрупповых признаков любой из славянских правовых систем, если выделив самостоятельную славянскую группу, не определить ее семейную принадлежность. То же можно сказать и в отношении «автономности» так называемых семитской или монгольской групп.

Определенную сложность представляет собой оценка национально-специфических черт, характерных для правовой системы. Речь идет о признаках, принадлежащих только данной системе. Конкретный разговор об этом пойдет при рассмотрении типичных правовых систем. Пока же определимся в общем характере специфических признаков, по которым мы оцениваем внутреннее содержание национальных правовых систем.

Само определение «национальная» применительно к рассматриваемому нами правообразованию имеет характер достаточно относительный для сравнительно-правовой науки, так как им в общественных науках обозначаются явления, связанные с существованием нации [9, с. 6]. Юристы договорились использовать данный термин с той целью, чтобы разграничить внутрисударственные и межгосударственные образования, а также соответствующие связи между ними, носящие правовой характер. То же можно заметить и в отношении понятия «национальное право», под которым понимается право конкретного государства.

Таким образом, кроме ориентации на национальную принадлежность, правовая система, определяемая как национальная, попадает в разряд государственно детерминированных образований, что абсолютно неприемлемо для сравнительного правоведения. Определяя юридическую географию правовой системы, мы в большинстве случаев устанавливаем, что она не замыкается границами конкретного государства. Индусские, мусульманские, дальневосточные и ряд других правовых систем выходят далеко за пределы политических территорий и носят скорее персональный, нежели территориальный характер.

Впервые в советской компаративистике на существование данных типов правовых систем обратил внимание А.А. Тилле. По целому ряду идеологических причин автор не мог развить свое видение проблемы до уровня, как он сам выразился «макроуровней», т.е. применить понятие «персональная правовая система» к целому ряду правовых образований религиозно-общинного типа, а территориальными обозначить романо-германские системы и правовые системы англосаксонской семьи права. Поэтому автор описания территориальных и персональных правовых систем провел на основе соответствующих систем, существовавших в царской России [10, с. 96 – 100].

В действительности же персональные правовые системы занимают большой объем во всей совокупности правовых систем современности. И когда отдельные авторы определяют число существующих сегодня правовых систем цифрой 200, то возникает большое сомнение о включении в это число персональных правовых систем.

Но каковы составляющие специфических черт персональных и территориальных правовых систем? Большинство авторов, определяющих правовую систему как национально-государственное образование, структурно определяют ее состоящей из четырех элементов: правосознания, правотворчества, собственно права («правового массива») и правоприменения [11, с. 6]. Сугубо структурный подход не позволяет выделить главного – специфику характерных черт, воспринимающую общесемейные и внутригрупповые традиции и вносящую свой неповторимый колорит в правовую жизнь сообщества правовых систем. Ведь каждая правовая система под собственным углом зрения рассматривает общесемейные и внутригрупповые элементы источников и системы права, нормативное своеобразие и характер правового понятийного фонда.

Правовая система, если так можно выразиться, более «подвижна», нежели семья права. Поэтому общесемейные признаки отражаются в правовой системе через призму внутрисистемной практики. Например, характер источников права в той или иной англосаксонской системе может быть различным. Скажем, английский законодатель принимает закон с большей оглядкой на судебную практику, нежели законодатель США, который имеет под рукой кодексы. При этом принципиальное положение судебного прецедента в обоих случаях не меняется. В каждой их правовых систем характер преломления общесемейных черт является различным. У одних он может быть выражен ярче, у других – менее заметно. Например, в так называемой латино-романской группе, куда в первую очередь входит французская правовая система, общесемейные черты выражены настолько сильно, что иногда исследователь может принять за романо-германскую семью.

На уровне правовых систем мы не обнаружим характерный для семьи права тип юридического мышления. Здесь мы имеем дело с правосознанием или правопониманием в широком смысле этого слова.

Стоит заметить, что специфичность каждой правовой системы характерна прежде всего для динамичной части ее правового массива – юридической практики, законотворчества и т.д. Не в меньшей степени на собственно национальные черты оказывает влияние и характер государственного устройства, особенно если границы правовой системы совпадают с конкретной территорией определенного государства, а также различного рода специфика политических, экономических, социальных факторов региона, в пределах которого находится правовая система.

Итак, каждая правовая система несет на себе отпечаток общесемейных и внутригрупповых признаков и обладает рядом собственных специфических черт. Поэтому нельзя говорить о равнозначности ее правовой семье, частью которой она фактически является. Нельзя констатировать и абсолютность национально-государственного характера правовой системы, пределы которой могут простираться далеко за рамки конкретных государств. Так, часть английской правовой системы находится во многих государствах – бывших английских колониях. Поэтому неверным будет утверждать, что указанная система ограничивается рамками государства Индии и границами Великобритании. Государство может использовать целую гамму элементов различных правовых систем.

Феномен правовой системы в теории сравнительного правоведения, к сожалению, еще мало изучен. Исключения составляют лишь конкретные исследования в рамках определенных стран, что необоснованно приводит к излишнему огосударствлению рассматриваемого нами правового образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Проблемы общей теории права и государства. – М.: Изд-во НОРМА, 2001.
2. Общая теория государства и права: Академический курс в 2-х т. / Под ред. М.Н. Марченко. – М.: Изд-во «Зерцало», 1998. – Т. 2: Теория права. – С. 232.
3. Общая теория государства и права: Учеб. пособие / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский; Под общ. ред. В.А. Кучинского. – Мн.: Амалфея, 2002. – С. 304.
4. Bogdan M. Comparative Law. – Kluwer, 1994.
5. Карбонье Ж. Юридическая социология. – М.: Прогресс, 1986.
6. Sauser-Hall N. Function et methode du droit compare. – Paris, 1913.
7. Esmein A. Le droit compare et l'enseignement du droit. – Paris, 1905.
8. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. – М.: Международные отношения, 1996.
9. Рубанов А.А. Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем. – М.: Наука, 1984.
10. Тилле А.А. Социалистическое сравнительное правоведение. – М.: Юридическая литература, 1975.
11. Тихомиров Ю.А. Право: национальное, международное, сравнительное // Государство и право. – 1998. – № 8.